

АТатьяна
Люшина

Читайте романы
Татьяны *А*ЛЮШИНОЙ:

Дом, где исполняются мечты
♦
Далекий мой, единственный...
♦
Беглая невеста
♦
С молитвой о тебе
♦
Любовь без права на ошибку
♦
Мой слишком близкий друг
♦
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
♦
Два шага до любви
♦
Двое на краю света
♦
Две половинки
♦
Девушка с проблемами
♦
Запутанные отношения
♦
Все лики любви
♦
В огне аргентинского танго
♦
Свидание вслепую
♦
Чудо купальской ночи
♦
Влюбиться в жертву
♦
Больше, чем страсть
♦
Красота по-русски
♦
Любовь со вкусом вишни
♦
Моя нечаянная радость
♦
Девушка-праздник
♦
Тот, кто назначен судьбой
♦
Девушка из нежной стали
♦
Неправильная невеста
♦
Утоли мои печали

АТатьяна ЛЮШИНА

Счастье
любит тишину

Роман

Москва 2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии
Д. Сазонова

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Счастье любит тишину : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной и О. Покровской).

ISBN 978-5-699-98828-0

Варя гордилась мужем и была готова тысячу раз повторить всему миру, что ее Юрочка самый умный, добрый и прекрасный человек. Но однажды он встретил другую женщину и ушел, сказав жене, что просто не способен контролировать вспыхнувшую страсть. И тогда Варвара осталась одна, не понимая, как ей жить дальше...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-699-98828-0

© Алюшина Т., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Никто не знает, почему все тяжелые и беспросветные мысли приходят к человеку именно в три-четыре часа ночи и изматывают, мучают, не давая уснуть.

А вот у него наоборот.

Вся теперешняя жизнь Костромина превратилась в странную темную субстанцию бытия, из которой выделялись особым светлым куском лишь работа и самое дорогое, словно выхваченное из всепожирающей его черноты ярким прожектором и защищенное этим лучом от темноты, воспоминание о бывшем счастье.

С тех пор как случилась с Юрием эта напасть, он перестал нормально спать. Будто в наказание или в назидание, или для просветления его ума — бог знает отчего и для чего, но вот уже несколько месяцев, как он просыпался посреди ночи, где-то с трех до четырех утра, и уже не мог заснуть.

И тогда, как спасение, как исцеляющая родниковая вода, как обезболивающее к незаживающей ране, к нему приходили воспоминания.

Яркие, насыщенные солнцем, прозрачной синевой неба, наполненные невероятной очаровательной улыбкой Варюхи, ею самой — ее движениями, взглядами, голосом, ее смехом, ее радостью жизни — радостью их жизни.

И смотрели оттуда, из их счастливого пространства на двоих, эти ее потрясающие, невозможные глаза!

И он лежал, не шевелясь, чтобы не спугнуть такие болезненно-прекрасные воспоминания, и старался насы-

тять проплывающую перед мысленным взором картинку прошлого с запахами, звуками, ассоциациями, и смаковал каждую мелочь, спасаясь в светлом прошлом от того мутного и черного, что властвовало над ним сейчас.

Спасался, как в молитве.

Чаще всего отчего-то возникало в памяти воспоминание о том, как они встретились и познакомились. Да-а, смешная вышла история.

В тот год Костромину исполнился тридцать один год, и он уже сделал серьезную карьеру, можно сказать: небывалую для обыкновенного паренька, приехавшего из провинции в столицу без протекций, каких-либо знакомств, родных и друзей в Москве.

Покорять столицу Юрий не собирался и даже в голове не держал бредовых мыслей на данную тему, просто вот уж несколько лет как мечтал учиться в одном из самых знаменитых вузов страны.

Вот втемяшилось мальчишке попасть конкретно в это учебное учреждение и получить специальность инженера-электрика!

Ну, кто про что — люди вон в артисты табунами рвутся, в финансисты какие, менеджеры, опять-таки поголовно, в юристы очень даже многие желают, словом, в работу чистую, прибыльную и не пыльную.

А он, поди ж ты, — в электрики наметился.

Случилось так, что еще в детстве интерес к этому делу прорезался у Юрия серьезный, захвативший все его мальчишеское любопытство и воображение. Дело в том, что его отец — Максим Петрович Костромин — работал инженером на одном из заводов города Ростова и имел великое увлечение — устраивание световых феерий различного масштаба и назначения от дискотеки в школе сына, на которой подвешивался к потолку крутящийся шар, как и у всех, но зато только у них бегали по всему актовому залу разноцветные лучи, зажигающиеся в различных точках в определенном ритме под музыку. И до участия в общегородском фестивале светового представления на фасадах зданий на День города и в иные праздники.

И был у отца гараж, давным-давно переоборудованный под мастерскую, машина за ненадобностью была продана лет десять назад. Там Максим Петрович проводил все выходные и праздники, занимаясь любимым хобби. Понятное дело, что мальчика своего Юру он начал приводить в мастерскую, как только тот пошел и начал что-то лопотать на своем детском языке.

А уж как мальчику интересно все было в той мастерской, и не передать! Ну еще бы! Пацан, а тут такое разгуляево для постижения мира и всякие штучки мужские! А отец терпеливо отвечал на все его бесконечные вопросы, не отнекивался. А как Юра постарше стал, так они уж вместе с отцом только что не жили в той мастерской, занятые какими-то проектами. Мама вздыхала и безнадежно махала рукой:

— Раньше только отец пропадал в гараже этом, теперь обоих оттуда не вытащишь!

Но особенно не расстраивалась, так, для порядка и остратки ворчала, а как мудрая женщина про себя тихо радовалась, что сын проводит столько времени с отцом и увлечен одним с ним делом. Между прочим, реально приносящим вполне достойный приработок в дом-семью, ой как прочувствованный в девяностых-то годах!

А когда Юра твердо решил стать инженером именно в этой области, то, пересмотрев справочник вузов, в которых имелся нужный ему факультет, выбрал именно столичный известный вуз, хотя и в самом Ростове был хороший институт.

Решил — и все!

И поступил без каких-либо проблем с первого же раза.

Юра вообще был деятельным, упертым в каких-то своих решениях, но и легко преодолевал трудности, оттого и учился хорошо и в охотку, и подрабатывать успевал все годы учебы, и в веселой общежитской жизни принимать участие, и амуриться с девушками не забывал, у которых, кстати, пользовался бо-о-ольшим успехом.

Ну, еще бы! Он парнишка мало того что видный — высокий, стройный, спортивный и привлекательный

внешне, к тому же веселый, легкий, без заморочек, с замечательным чувством юмора и компанейский, да еще и всегда при деньгах, которые не жлобился тратить на девушек и веселье.

Родители деньгами помогали, но Юра и сам зарабатывал неплохо, подражаясь на различные работы. Хватало и на жизнь, и на погулять, особенно если учесть, что учился он в конце девяностых годов.

Заканчивая учебу, Костромин уже твердо решил, что получит еще одно образование — на факультете оптико-электронного оборудования. Вот приспичило, и чувствовал, что надо оно ему! Пригодится обязательно!

И вполне в его характере — решил, и все!

Посоветчался с родителями — второе-то высшее образование, оно платное, а он пока не топ-менеджер газпромовский, залежей денежных не имеет. Родители поддержали, вздохнули, правда, но поддержали, продали старенькую бабушкину дачку, которой особо не пользовались, но любили и сохраняли, берегли. А тут уж что поделаешь — надо сынку помочь, куда ж деваться.

Но деятельный сынок сидеть на их шее не собирался: поступил на второе образование и нашел работу инженера-электрика в одном из строительных трестов. Жил с работягами в общежитии черт знает где на окраине Москвы, поэтому чаще всего ночевал в строительном вагончике на объекте. Экономил деньги, квартиру не снимал, держал в голове, что родителям надо бы долг отдать — это он сам для себя так решил, они-то про долги какие-то думать не думали и такими категориями в отношении сына единственного любимого и не мыслили. А он уперся!

Да нормально! Чего там — молодой же, упертый, здоровый!

Прорвемся!

И прорвался! Где-то через год пригласили его работать по специальности в один из самых крупных строительномонтажных холдингов страны и сразу дали высокую должность — место начальника отдела в одном из

трестууправлений, входящих в состав холдинга. Что-то там в верхах у начальства произошло с этим его трудоустройством — вроде как умер его предшественник на этой должности, а предыдущее начальство Юрия в частном разговоре с нынешним упомянуло, что, мол, есть некий Костромин, очень толковый инженер, молодой, правда, но не пьющий и работоспособный, да к тому же перспективный и талантливый.

Как-то так звезды и начальники сошлись, но работу Юра получил, а с ней и достойную зарплату, и комнату в профильном общежитии.

Да, красота небывалая! Повезло!

Костромину вообще везло и с работой, и с коллегами, и с начальством, и с женщинами. Жизнь его баловала.

Например, подкинула она, жизнь то есть, ему знакомство с одним очень непростым пареньком — Владом Потаповым, носившим кличку Сивуч, вообще-то так называют северного морского льва, но кликуха ему шла, прижилась — высокий, крупный, но при этом быстрый и сильный. Главное же его достоинство для Юрия заключалось в том, что Влад был классным хакером, причем из разряда официальных, в том смысле, что работал на правительство. Что-то там засекреченное и правоохранительное, правда, из бывших «свободных художников», пойманных за хвост, но это его личная история, покрытая мраком тайны государственных органов.

Не суть.

Важно то, что у Юры давно засела в голове идея программного управления электросетями. Да не банального подключения-выключения и тому подобное «три притопа два прихлопа», что он давно уж освоил самостоятельно в процессе учебы, а по серьезному, «по-взрослому» — привязка всех схем и объектов на дистанционное управление, разработка специальных режимов, программ, сведение всех цепей в единую схему и так далее.

И Юра уговорил Влада обучать его на уровне профессионального хакера-программиста.

Около года Юра занимался в свободное время, которое можно было улучшить лишь глубокой ночью, а куда деваться, сам подписался на это дело, чего уж теперь!

Но Костромин добился того, чего хотел!

Теперь он имел в своем арсенале навыки первостатейного хакера и знания такого высокого уровня программирования, в которые не посвящал никого. А совсем незачем и ни к чему такую инфу о себе распространять — занимались они с Владом анонимно, с соблюдением некоторых конспиративных приемов: Сивучу тоже совсем не светило, чтобы его кто поймал на преподавании, могло и по затылку прилететь очень даже всерьез, особенно от его работодателей. Вот и тихарились оба.

Что, впрочем, не помешало Костромину совершенно наглым образом подать документы на прохождение экзаменов на получение сертификата и лицензии специалиста международного уровня по «комплексному коммуникативному программированию и монтажу, управлению и мониторингу многоуровневых производственных систем электро- и оптоволоконных комплексов и объектов».

Звучит закрученно, а в простоте это считалось еще одним образованием, дававшим право официально заниматься любыми компьютерными разработками электронных и оптоволоконных систем, привязывать их к разным объектам. Это значительно облегчало ему основную работу, особенно в пункте, связанном с проверкой правильности протяжения электрики на сданных объектах.

Подавая документы на получение сертификата, в пункте «учебное заведение», в котором получено образование по предмету, Юрий указал: самообучение экстерном. И эта откровенная наглость, как ни странно, проканала, его допустили до экзаменов, которые Костромин благополучно сдал, прошел специальную комиссию и получил заветный диплом и сертификат специалиста в данной области.

Таким вот образом к двадцати шести годам Костромин получил второе высшее образование по оптико-во-

локонным системам и получил диплом коммуникационного специалиста-компьютерщика.

И как попер по карьерной лестнице... не догонишь!

Начальство его любило и ценило. Да и было за что, если честно — упорный, работоспособный, не по годам серьезный в работе и ответственный, инициативный специалист, каких поискать и не найдешь, надежный и умный, очень умный мужик. Да к тому же обладавший редкими качествами — первое: не карьерист, в мышинных забегах и интригах за теплое место для пятой точки никогда не участвовал, делом занимался вместо этого, и второе: не пьющий. То есть совсем не пьющий.

Ну, это качество Костромину по наследству от отца досталось.

Батя рассказывал ему, а потом не раз вспоминал, как в молодости, будучи студентом, однажды напился на пикнике в лесу. Да и напился-то громко сказано — хватило четырех рюмок водки, то есть около ста пятидесяти — двухсот грамм, чтобы он отключился. Как товарищи ему потом говорили: махнул за четвертый тост, улыбнулся и лег под деревцем, свернувшись калачиком — и все! Как не будили — бесполезняк! Пришлось приятелям его на руках до автобусной остановки тащить, а потом и домой доставлять.

И вот проснулся он поутру и, еще не открыв глаза, понял, что попал в чистилище! Или уже в ад! У него болело все! Страшно болело, жутко! Все кости болели, к телу вообще притрагиваться было невозможно — любое движение, любое прикосновение отдавалось такой жуткой болью, что он балансировал на грани потери сознания.

И жажда! Такая, что он и не подозревал, что так может быть вообще — вот-вот — адская, это точно! Поджаривали рогаые, верняк!

Тогда родители его два дня спасали — отпаивали какими-то отварами, клюквенным морсом, ничего другого ни есть, ни пить он не мог. На третий день кое-как встал с кровати, чувствуя себя полуразвалившимся стариком.

К врачам ходил, а как же! Думал же, что болезнь какая страшная с ним приключилась, а оказалось, нет, не болезнь, а вот такая у его организма индивидуальная непереносимость алкоголя.

С тех пор и не пил. Не то, чтобы совсем уж в сухой завязке. По праздникам, на дни рождения, когда за столом собирались, Максим Петрович две малипусенькие рюмочки коньяку пропускал, в общей сложности грамм пятьдесят, чокаясь с гостями и под серьезную закуску.

Все, это норма для него. Ничего иного с алкогольной составляющей не принимал никогда.

Вот и Юрий в отца пошел — непереносимость спиртного. Да он и не любил, даже запах алкоголя его отвращал, что, впрочем, не мешало ему участвовать во всех студенческих загулах и веселиться наравне с хмелеущими товарищами.

Вы когда-нибудь были на крутой студенческой пьянке? Нет? Да?

Так вот, как правило, после первой же рюмки всем становится по барабану, кто что и сколько пьет, народ занят общим весельем, шутками-прибаутками, хохотом, заигрыванием, флиртом и прочим.

Практически до самого пятого курса никто из одногруппников и друзей по общаге и не подозревал, что Костромин не пьет, а он и не распространялся о такой особенности, да и зачем? Объяснять кому-то? Выяснившийся факт показался открытием вселенского масштаба — как это? Да ладно, да не может быть! Юрик, ты ж с нами всегда...

А он и всегда. Первую рюмку делал вид, что пьет, переставлял соседу по столу, а потом наливал себе воды. Никто и не замечал, а для куражу ему напиться не требовалось, он и так веселился от души и участие принимал во всех идиотских мероприятиях пьяных товарищей и... и спасал их не раз, и вовремя выдергивал смываться при необходимости, и тащил на себе в общагу, и прикрывал от последствий, и лечить страждущих с бодуна приходилось ему же.

Но! Эта его особенность однажды даже сыграла Костромину на руку в работе.

Наверное, никому не надо объяснять, что такое сплоченный мужской коллектив строителей. Эдаких мужиков, заматеревших в этом деле. Нет? Не надо объяснять? Вот и ему не требовалось — он уж насмотрелся, когда подрабатывал во время учебы, первая запись в трудовой книжке появилась у него в семнадцать лет: «разнорабочий» в строительно-монтажном тресте.

Так вот, вышел Юра на работу в первый день — начальник начальником, в костюмчике, только касочка красная на голове, мальчонка двадцати двух годов, а, на минуточку, две тысячи первый год — разруха во всем, только-только выколупываться страна из кое-чего сильно пахнущего начинала, а в строительном деле ситуация такая, что слов приличных не подобрать. И мужики в его подчинении не гастарбайтеры какие, а все как на подбор зубры местные, в возрасте от тридцати пяти и выше. Можно представить их отношение к мальчонке: только-только со студенческой скамьи — и руководить ими взялся!

Да сейчас-с-с!

Ну и понеслись проверки на слабо со всеми вытекающими провокациями и саботажем. Костромин не зря уж пять лет по стройкам оттарабанил, в психологии таких вот работяг разбирался, и в том, на что они способны, тоже, и отпор давал соответствующий. Кому и в рожу от него прилетело, кого уволил к той самой матери, кого и в каталажку отправил за особо лютый саботаж с последствиями. Но авторитет свой, который довольно быстро умудрился завоевать у пролетариата хитроватого, укрепил окончательно и бесповоротно после одного случая.

Накануне ноябрьских праздников в обед мужики-строители сели кружком за стол и выставили водочку под закуску, считай, уж точно никто вечером работать не станет, без вариантов. Хорошо хоть день отстояли под сорванный от матов и крика голос Костромина. Ну и по-

звали они начальника молодого с ними-то разделить застолье предпраздничное, выказали уважение достойное.

Костромин на зов подошел, посмотрел на разложенную на газетках немудреную снедь, на мужиков, добреющих в предчувствии принятия водочки, и, тяжело вздохнув, признался с некой грустинкой в тоне, специально наигранной:

— Не, мужики, нельзя мне, — и выдохнул тяжело.

— А что так, Максимыч? — участливо поинтересовался бригадир. — Болен, что ли, иль закодировался?

— Вот именно, — кивнул Костромин.

— Да ты чё! — посочувствовал и не поверил бригадир. — Такой молодой, и уже того... — Он щелкнул пальцем по горлу известным жестом и уточнил: — Нельзя?

— Нельзя, — подтвердил грустно Юра и посмотрел с наигранной тоской на бутылку водяры на столе.

— Ну, ты даешь! — восхитился один из мужиков. — Чё, заливал всерьез? Без базара кодернулся?

— Так я ж на стройках с семнадцати лет, — снова прямо не ответив, пояснил он. — Подрабатывал, пока в институте учился. Сами понимаете, — и еще разок, закрепив успех, вздохнул тягостно.

— Ну, дыть... — выказал общее сочувствие бригадир, несколько даже смутившись.

— Да-а-а, — протянул с большим уважением один из работяг, с особым сочувствием глядя на Костромина. — Видать, поколотила тебя жизнь, паря.

Юрий пожелал работягам приятного аппетита, дежурно-начальственно напомнил не засиживаться и не злоупотреблять до недоразумений, попрощался и ушел.

С тех пор мужики бывалые проявляли к нему немалое уважение, особый респект молодому начальнику.

А стройки в любом городе — это закрытое сообщество, где бригады, прорабы и тресты управления мигрируют от одного заказчика к другому, от одного подрядчика к третьему, и слухи в них распространяются так же быстро, как у медитирующих на скамейках под домом бабулек.

Таким вот образом за Костроминым и закрепились слава бывалого крутого паренька-начальника, который про рабочих и их нужды все знает-понимает, и начальник справедливый да толковый, хоть и суров и осерчать может, и даже врезать если что, но за дело, да к тому же и сам лихоманки-жизни хлебнувший не по годам. Почитай, с детства на стройках вкалывал, аж здоровье потерял.

И с этой вот славой он и покатил дальше возводить свою карьеру.

А она росла, уж поверьте!

К тридцати одному году Костромин стал заместителем начальника одного из стройуправлений, входивших в тот самый главный холдинг. Их отделение занималось в основном строительством под ключ загородных коттеджей и домов в элитных поселках по всему Подмосковью и дальше по ближним к Москве областям.

Интересная должность и дело интересное, да только мотаться приходилось, как Ивану-царевичу на Сером Волке, посланному царем дурковатым за разными диковинами туда-сюда. А куда деваться? Такая вот работа.

Как-то пришел Костромин в одно крупное архитектурное объединение, с которым его фирма плотно сотрудничала. Ему требовалось встретиться с хозяином агентства, он же его генеральный директор в одном лице, по одному хлопотному и малоприятному делу — архитекторы сделали проект особняка для весьма известного и очень, ну очень медийного господина, но электропроводку в нем наметили настолько забубенную и бестолковую, что ее реально невозможно и даже опасно было делать по намеченному плану.

Заказчик же, ни ухом ни рылом не понимавший в строительстве и проектировании, и уж тем паче в электросетях, подмахнул проект, как говорится, «не глядя», когда ему показали, как это все шоколадно будет выглядеть в конечном исполнении на трехмерном макете в компьютерной графике, а как дошло до строительства, тут и поперли огрехи на каждом шагу.